

Меня всегда волновало: почему за границей Пушкин известен исключительно славистам и тем, кто всерьез интересуется русской культурой? Для остальных «наше все» — пустой звук. Нам-то Гомер и Шекспир, Овидий, Петрарка и Данте, Китс, Гете и Рембо, Уитмен, Рильке практически родные. Временами даже забываем, что изъяснялись они совсем на других языках. Все это благодаря богатству, пластичности, глубине, выразительности русского языка и уникальной школе художественного перевода, которая за последние два века сложились в отечественной словесности. Восприятие нашей литературы за рубежом совсем иное. Существует устойчивый бренд «великая русская классика XIX века», о которой большинство хотя бы слышало, и «большая тройка» — Толстой, Достоевский, Чехов. Слышали о диссидентах, бывших и нынешних, так или иначе связанных с политикой. Специалисты, конечно, знают современных российских писателей, публика — нет. Если в Старом Свете, особенно во Франции, Германии, Италии, все-таки переводят и издают, пусть и маленькими тиражами, то за океаном — катастрофа: 5—7 названий в год.

Знакомый редактор, работавший еще в советскую эпоху, до сих пор на даче хранит целую библиотеку. В глянце-вых суперобложках — Алексей Толстой на урду, Шолохов на суахили, Федин на китайском... Целый стеллаж — весь XX век, почти весь Союз писателей СССР. «Рука не поднимается выбросить, — вздыхает хозяин, — столько сил положено». Сам он относится к той своей деятельности с иронией и ностальгией. С нынешней точки зрения многое смешно и нелепо, но тенденция очевидна. Двадцать с лишним лет назад все это было частью государственной идеологии — и тем не менее на имидж страны работало. Сейчас литература вне игры. Это же не футбол и

не нанотехнологии... В условиях свободного рынка, когда «переводите, что хотите, издавайте, как получится», прежняя система, естественно, рухнула, а новая не сложилась.

Год назад по инициативе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям создан Институт перевода. Впервые объединены интеллект, административный ресурс и немного денег, среди учредителей — вузы, исследовательские институты, библиотеки, общественные гуманитарные организации. Одна из главных задач института — стимулирование перевода, издания и продвижения произведений современных российских писателей в мире. Издавать «готовый продукт», как это было в Советском Союзе, сейчас нецелесообразно. Гораздо эффективнее схема «минимизации рисков».

Покупку авторских прав у издательства, самого автора или его наследников, перевод, редактуру, создание дизайн-макета оплачивает институт. Расходы на бумагу, типографские услуги, распространение принимает на себя зарубежное издательство. В конце сентября заканчивается прием заявок от иностранных издательств; по предварительным оценкам, их ожидается около сотни. Среди произведений, которые в первую очередь интересуют Институт перевода, — «Подстрочник» Лунгиной, маканинский «Асан», «Зеленый шатер» Улицкой, «Каменный мост» Терехова, «Бегство из рая» Басинского, «Костюм Арлекина» Юзефовича, классика, книга Виктора Шкловского... На следующем этапе подключается экспертный совет, который оценит качество предлагаемого перевода и выберет самых достойных.

Из сотни это приблизительно 40—60 проектов. Именно их переводы увидят свет. Цена вопроса? Один из руководителей агентства обмолвился, что все упирается в Минфин, хотя проект обойдется не дороже двух танков.

Кроме того, Институт перевода учредил премию «Читай Россию/Read Russia», которую впервые вручили пару недель назад. Это дополнительное поощрение некоторым из тех иностранных переводчиков, чьи работы признаны хорошими. Номинации: «Классическая русская литература XIX века», «Литература XX века» (произведения, созданные до 1990 года), «Современная русская литература» (произведения, созданные после 1990 года) и «Поэзия». Победители, соответственно, — испанец Виктор Гальего Баллестеро за «Анну Каренину», британец Джон Элсворт за «Петербург» Андрея Белого, Элен Анри-Сафье (Франция) за перевод «Пастернака» Дмитрия Быкова и Алессандро Ниеро (Италия) за книгу Дмитрия Пригова «Тридцать три текста». Лауреаты получили по 5 тыс. евро, а издательства, где опу-

бликованы книги, — 3 тыс. евро в виде гранта на покрытие расходов на перевод следующего произведения. Процесс запущен. После церемонии я не удержалась и спросила Джона Элсворта про Пушкина. Он, кстати, профессор Манчестерского университета, ответил, что по поводу английских переводов, а их почти четыре десятка, у него есть своя версия. Все дело в том, что этапы развития русского и английского языков не совпадают, «поэтому Пушкин у нас получается Байроном». И добавил: «Может, тот гениальный переводчик еще не родился?» Остается продолжить: вот родится, выучит русский, полюбит его всей душой (без этого никак), получит грант, переведет Александра Сергеевича так, что все ахнут. И «Евгений Онегин» станет мировым бестселлером. За это и трех танков не жалко.

РЕПЛИКА

Трудности перевода

В России впервые за последние двадцать лет начал работу Институт перевода.

*Клариса Пульсон,
литературный критик*